

**ГАНС
ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН**

ПОБРАТИМЫ

Ганс Андерсен

Побратимы

«Public Domain»

1842

Андерсен Г. Х.

Побратимы / Г. Х. Андерсен — «Public Domain», 1842

«Мы только что сделали маленькое путешествие и опять пустились в новое, более далёкое. Куда? В Спарту! В Микены! В Дельфы! Там тысячи мест, при одном названии которых сердце вспыхивает желанием путешествовать. Там приходится пробираться верхом, взбираться по горным тропинкам, продирается сквозь кустарники и ездить не иначе, как целым караваном. Сам едешь верхом рядом с проводником, затем идёт выючная лошадь с чемоданом, палаткой и провизией и, наконец, для прикрытия, двое солдат...»

© Андерсен Г. Х., 1842

© Public Domain, 1842

Ганс Христиан Андерсен Побратимы

Мы только что сделали маленькое путешествие и опять пустились в новое, более далёкое. Куда? В Спарту! В Микены! В Дельфы! Там тысячи мест, при одном названии которых сердце вспыхивает желанием путешествовать. Там приходится пробираться верхом, взбираться по горным тропинкам, продираться сквозь кустарники и ездить не иначе, как целым караваном. Сам едешь верхом рядом с проводником, затем идёт выючная лошадь с чемоданом, палаткой и провизией и, наконец, для прикрытия, двое солдат.

Там уж нечего надеяться отдохнуть после утомительного дневного перехода в гостинице; кровом путнику должна служить его собственная палатка; проводник готовит к ужину пилав; тысячи комаров жужжат вокруг палатки; какой уж тут сон! А наутро предстоит переезжать вброд широко разлившиеся реки; тогда крепче держись в седле – как раз снесёт!

Какая же награда за все эти мытарства? Огромная, драгоценнейшая! Природа предстаёт здесь перед человеком во всём своём величии; с каждым местом связаны бессмертные исторические воспоминания – глазам и мыслям полное раздолье! Поэт может воспеть эти чудные картины природы, художник – перенести их на полотно, но самого обаяния действительности, которое навеки запечатлевается в душе всякого, видевшего их воочию, не в силах передать ни тот, ни другой.

Одинокий пастух, обитатель диких гор, расскажет путешественнику что-нибудь из своей жизни, и его простой, бесхитростный рассказ представит, пожалуй, в нескольких живых штрихах страну эллинов куда живее и лучше любого путеводителя. Так пусть же он рассказывает! Пусть расскажет нам о прекрасном обычае побратимства.

– Мы жили в глиняной мазанке; вместо дверных косяков были рубчатые мраморные колонны, найденные отцом. Покатая крыша спускалась чуть не до земли; я помню её уже некрасивою, почерневшею, но когда жильё крыли, для неё принесли с гор цветущие олеандры и свежие лавровые деревья. Мазанка была стиснута голыми серыми отвесными, как стена, скалами. На вершинах скал зачастую покоились, словно какие-то живые белые фигуры, облака. Никогда не слыхал я здесь ни пения птиц, ни музыкальных звуков волынки, не видал весёлых плясок молодёжи; зато самое место было освящено преданиями старины; имя его само говорит за себя: Дельфы! Тёмные, угрюмые горы покрыты снегами; самая высокая гора, вершина которой долгие все блещит под лучами заходящего солнца, зовётся Парнасом. Источник, журчавший как раз позади нашей хижины, тоже слыл в старину священным; теперь его мутят своими ногами ослы, но быстрая струя мчится без отдыха и опять становится прозрачной. Как знакомо мне тут каждое местечко, как сжился я с этим глубоким священным уединением! Посреди мазанки разводили огонь, и когда от костра оставалась только горячая зола, в ней пекли хлебы. Если мазанку нашу заносило снегом, мать моя становилась веселее, брала меня за голову обеими руками, целовала в лоб и пела те песни, которых в другое время петь не смела: их не любили наши властители турки. Она пела: «На вершине Олимпа, в сосновом лесу, старый плакал олень, плакал горько, рыдал неутешно, и зелёные, синие, красные слёзы лились на землю ручьями, а мимо тут лань проходила. „Что плачешь, олень, что роняешь зелёные, синие, красные слёзы?“ – „В наш город нагрянули турки толпой, а с ними собак кровожадных стаи!“ – „Я их погоню по лесам, по горам, прямо в синего моря бездонную глубь!“ – Так лань говорила, но вечер настал – ах, лань уж убита, и загнан олень!»

Тут на глазах матери навёртывались слёзы и повисали на длинных ресницах, но она смахивала их и переворачивала пёкшиеся в золе чёрные хлебы на другую сторону. Тогда я сжимал кулаки и говорил: «Мы убьём этих турок!» Но мать повторяла слова песни: «Я их погоню по

лесам, по горам, прямо в синего моря бездонную глубь!» – Так лань говорила, но вечер настал – «ах, лань уж убита и загнан олень!»

Много ночей и дней проводили мы одни-одинёшеньки с матерью: но вот приходил отец. Я знал, что он принесёт мне раковин из залива Лепанто или, может быть, острый, блестящий нож. Но раз он принёс нам ребёнка, маленькую нагую девочку, которую нёс завернутую в козью шкуру под своим овчинным тулупом. Он положил её матери на колени, и когда её развернули, оказалось, что на ней нет ничего, кроме трёх серебряных монет, вплетённых в её чёрные волосы. Отец рассказал нам, что турки убили родителей девочки, рассказал и ещё много другого, так что я целую ночь бредил во сне. Мой отец и сам был ранен; мать перевязала ему плечо; рана была глубока, толстая овчина вся пропиталась кровью. Девочка должна была стать моею сестрою. Она была премиленькая, с нежною, прозрачною кожей, и даже глаза моей матери не были добрее и нежнее глаз Анастасии – так звали девочку. Она должна была стать моею сестрой, потому что отец её был побратимом моего; они побратались ещё в юности, согласно древнему, сохраняющемуся у нас обычаю. Мне много раз рассказывали об этом прекрасном обычае; покровительницей такого братского союза избирается всегда самая прекрасная и добродетельная девушка в округе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.